— Сестренка, ты уверена, что нам не нужно еще удобрений?

— Озабоченный тон Дэна, поставившего последнюю пластиковую коробку на дно повозки, ощутимо задел Дорис.

Как раз в этот момент Ди входил в ворота замка вампира.

Брат и сестра отправились в Рансильву

— закупить припасов на месяц.

Однако результаты поездки удручали.

Старина Уотли, владелец местного магазинчика, обычно охотно приносил из кладовки то, чего не было на прилавках, но сегодня категорически отказался это сделать.

Когда Дорис перечислила, что им нужно, Уотли с притворным сожалением заявил, что товары либо проданы, либо еще не прибыли, хотя в углу, на самом виду, громоздились нужные ящики.

Заметив их, девушка поинтересовалась, в чем дело, и тогда лавочник, помявшись, сказал, что все они отложены для другого покупателя.

Что ж, ясно.

В этом городе лишь один человек настолько подл, чтобы причинить Дорис такие неприятности.

Она не стала тратить время на пререкания с Уотли.

Подавив досаду, отправилась к дому знакомого, где и разжилась необходимыми на первое время припасами.

Сейчас Дорис ценила дороже бриллиантов каждую минутку светлого времени суток, ведь ночью ее ждала битва с демоном, битва не на жизнь, а на смерть.

Вне зависимости от того, что происходит вокруг, она обязательно должна вернуться домой до сумерек

— Ди, прежде чем уехать, твердо внушил это девушке.

Дорис все понимала, но…

Загружая в телегу последнюю упаковку сушеного мяса, девушка кусала губы.

Дэн с улыбкой повернулся к сестре, и лишь мельком она заметила прежнее разнесчастное выражение его физиономии.

Парнишка делал все возможное, лишь бы не огорчать сестру.

Дорис понимала это, и потому сердце ее переполняли тревога, печаль — и неизбывная ярость.

Рука девушки непроизвольно стиснула рукоятку кнута.

Да, есть лишь одна мишень, на которую можно направить свой гнев.

— Черт, я забыла заглянуть к доктору Ферринго!

— воскликнула Дорис с напускным волнением.

— Подожди здесь.

Как бы кто не стащил наши покупки, так что не покидай повозку.

— Сестренка…

Мальчик словно что-то почувствовал, но Дорис отмахнулась:

— Эй, стыдно такому большому парню корчить такие рожи.

Если бы Ди увидел твое унылое лицо, он бы посмеялся.

Не беспокойся, я мигом обернусь, и все будет в порядке.

У нас ведь все всегда путем, верно?

— Высказавшись ласково, но твердо, Дорис быстро зашагала по улице, не дав Дэну возможности возразить.

«В этот час наши мерзавцы, наверное, в „Черной лагуне” или в „Пандоре”. Я научу их уму-разуму!»

Девушка не ошиблась.

Едва распахнув двери в салун, она увидела Греко и его банду; подонки же, заметив девушку, с ухмылками повыскакивали из-за стола.

На ходу пересчитав их — семеро!

— Дорис прищурилась: невозможно было не обратить внимания на одежду Греко.

Все его тело сверкало.

С головы до пят Греко окутывало металлическое облачение

— так называемая боевая форма, своего рода оружие.

Дорис никогда не видела подобных костюмов, но удивление быстро прошло, и, состроив презрительную гримаску, означающую:

«Похоже, придурок грабанул поезд с новомодными шмотками», девушка направилась к недругу.

— Ты так разозлился из-за случившегося утром, что подговорил старину Уотли ничего нам не продавать, верно?

И после этого ты называешь себя мужчиной и человеком?

Да ты низший из низших!

— Что за вздор ты несешь?

— издевательски фыркнул Греко.

— Не желаю слушать болтовню особы, которая скоро станет игрушкой вампира.

Благодари свою счастливую звезду за то, что мы еще не разнесли повсюду эту маленькую пикантную новость.

Заруби себе на носу, что то же самое повторится и в следующем месяце, и в последующем, и так далее.

Сегодня, похоже, тебе удалось наскрести кое-что, но сколько продержатся твои теплицы и коровы на этих крохах?

Недели две, если повезет.

Конечно, если ты все еще будешь ходить среди живых и отбрасывать тень.

Впрочем, очень скоро еда тебе не потребуется, а вот насчет твоего бедного маленького братца…

Подлые комментарии еще не стихли, а в игру уже вступил хлыст.

Плеть обвилась вокруг боевого шлема; девушка вложила в удар всю свою силу, рассчитывая повалить противника.

Ее дерзость была порождена неведением, однако Греко

— или, скорее, его костюм

— не сдвинулся ни на дюйм.

Правой рукой негодяй перехватил конец кнута, легкий рывок

— и оружие девушки перешло к Греко.

— Думала, я каждый раз буду попадаться на этот фокус, сучка?

Пусть и потрясенная, Дорис была истинной дочерью охотника

— она отпрыгнула почти на шесть футов.

За прыжком девушки пристально следили глаза, горящие ненавистью и похотью.

— Не забывай, что городом заправляет мой папочка.

Ничто не помешает нам устроить так, чтобы ты и твой тупой братец сдохли от голода.

Дорис вздрогнула и не сумела этого скрыть

— мерзавец говорил чистую правду.

Хозяйственной жизнью в деревне обычно руководил комитет, но в городе, несомненно, наивысшим авторитетом пользовался мэр.

В жестких условиях Фронтира требовалось принимать быстрые и жесткие решения, чтобы спасти поселенцев от скорой гибели.

Монстры, мутанты, бандиты

— множество голодных глаз неотрывно следят за Рансильвой.

Продажа и покупка товаров, естественно, относятся к хозяйственной жизни.

Запретить магазину вести торговлю проще пареной репы.

Поставленный перед выбором

— жизнь или смерть его бизнеса,

— старина Уотли волей-неволей подчинился давлению.

Для Дорис же в ее нынешних обстоятельствах двухдневная поездка за покупками в Педро, ближайшую соседнюю деревню, являлась делом немыслимым.

К тому же ясно, что Греко и его дружки, несомненно, попытались бы остановить ее.

— Ну и гад же ты, Греко.

Плевать мне на твоего папочку…

— Голос Дорис дрожал от гнева.

Не обращая внимания на ее слова, Греко продолжил:

— А вот кабы ты сделалась моей женой, все было бы по-другому.

У нас все схвачено, так что, когда отец уйдет в отставку, влиятельные люди в городе позаботятся о том, чтобы следующим мэром стал я.

Ну, что скажешь?

Не передумала?

Вместо того чтобы надрываться на своей захудалой ферме, ты могла бы носить самые роскошные тряпки и есть только отменные деликатесы.

Дэну это тоже придется по вкусу.

А этого отвратного бродягу мы прогоним, я уж сумею защитить тебя от вампира сам.

Ты удивишься, сколько охотников на нежить примчится сюда, если потрясти кошельком.

Итак?

Вместо ответа Дорис придвинулась ближе.

«Гм, только посмотрите

— прикидывается несгибаемой, а сама-то все-таки как-никак женщина»,

— подумал Греко за миг до того, как Дорис плюнула в ненавистную рожу.

Плевок попал на затемненное забрало шлема.

— Ты… ты сумасшедшая сука!

Я пытался с тобой по-хорошему, а ты, ты!..

Греко еще не привык к форме

— правая рука неудачно скользнула по стеклу лицевой пластины.

Но едва забрало очистилось, сынок мэра неожиданно

— девушка даже не успела отскочить

— схватил Дорис за талию и притянул пленницу к себе.

Боевая форма, купленная пару часов назад у бродячего торговца, была, конечно, подержанной и низкокачественной, но сама конструкция

— ультраэластичная стальная броня, созданная на основе усиленной органической псевдокожи, натянутой поверх электронной нервной системы,

— втрое повышала скорость и вдесятеро увеличивала силы владельца.

Греко крепко держал Дорис, и вырваться она не могла.

— Что ты творишь?

Отпусти меня!

— крикнула девушка, отвешивая обидчику пощечину, но лишь больно ушибла ладонь.

Греко, без труда удерживая одной левой обе руки Дорис, поднял девушку на фут над землей.

Шлем с железным скрежетом раскололся посередине, открывая лицо, обезображенное дьявольской похотью.

Из угла самодовольно ухмыляющегося рта свешивалась нитка слюны.

Не обращая внимания на негодующий взгляд Дорис, Греко заявил:

— Не все тебе кочевряжиться да нос задирать.

Сейчас, крошка, ты станешь моей.

Эй, пентюх, не лезь не в свое дело, лучше держись отсюда подальше!

Последнее относилось к пожилому буфетчику, покинувшему прилавок в попытке остановить заваруху.

Съежившись от дикого рева, буфетчик вернулся на свое место.

Против сынка мэра не попрешь.

Паскудные губы Греко уже тянулись к обездвиженной красавице.

Дорис резко отвернулась.

— Пусти меня!

Я позову шерифа!

— А толку-то,

— хохотнул мерзавец.

— Черт, если он и появится, его шея ему слишком дорога, чтобы совать ее в петлю.

Эй вы, бар закрывается!

Кто-нибудь, встаньте у дверей!

Никого не впускать!

— Как скажешь…

— Один из прихлебателей Греко направился к выходу, но внезапно остановился.

Черная стена, выросшая перед ним, преградила человеку путь.

— Какого хрена…

Вопль осекся почти мгновенно, а еще долю секунды спустя громила отправился в полет, сокрушая телесами столы и стулья, а заодно пришибив парочку людей из своей же когорты, после чего врезался головой в стену.

Его никто и пальцем не тронул

— черная стена лишь чуть-чуть толкнула парня назад, но, должно быть, с нечеловеческой силой: троица нахлебников, стеная и едва дыша, разметалась на полу, а со стены с тихим шорохом посыпалась штукатурка.

— Ублюдок!

Какого дьявола ты творишь?

— Побледневшие бугаи потянулись за оружием, но черная стена, небрежно оглядев их, только пожала плечами.

В роли стены выступал лысый великан в кожаной жилетке шести с половиной футов ростом, с узловатыми, как корни деревьев, руками.

Весил он, должно быть, фунтов триста пятьдесят

— не всякие весы выдержат!

Судя по видавшему виды массивному мачете, заткнутому за пояс гиганта, он превосходил противников не только физическими статями.

Громилы поняли это и решили проявить благоразумие.

— Пожалуйста, прости нас.

Моему другу совершенно неизвестно понятие «сдержанность».

Барахтающаяся в объятиях Греко Дорис на секунду забыла о борьбе, повернулась к новоприбывшим

— и глаза ее расширились от удивления.

Голос был прекрасен, но тот, кому он принадлежал, был еще прекраснее.

На вид ему можно было дать лет двадцать.

Изумительные черные кудри струились по плечам, глубокие карие глаза, казалось, были готовы объять весь мир, и те, кто тонул в них, пребывали в блаженном опьянении.

Азиатский Аполлон, не иначе!

Юноша вместе с великаном и двумя другими спутниками уселся за столик.

Единственные посетители «Черной лагуны»

— кроме Греко и его банды

— принялись играть в карты

— видно, забавы ради.

Разве что острый интерес в их глазах указывал на то, что новые гости

— странствующие охотники.

— Ну и кто вы такие, придурки?

— поинтересовался Греко, не отпуская Дорис.

— Я Рэй-Гинсей, Ясная серебряная звезда.

Мой друг

— Голем Нестрадалец.

Мы охотники на исполинов.

— Черта с два!

— взвыл Греко, оглядывая пришельцев.

— Ты утверждаешь, что вы вчетвером охотитесь на этих громадных бегемотов?

Детеныша исполина не прикончить десяти, а то и двадцати парням!

— Он презрительно хохотнул.

— Спорю, вы таки набрели на ублюдочного монстра, да только из всей ватаги в живых остались лишь ты, тощий маменькин сынок, жалкий верзила-тупица да гребаный горбун.

Так что будь добр, уж поведай мне, как же горстка отбросов вроде вас умудряется охотиться?

— Мы можем показать

— здесь и сейчас,

— ослепительно улыбнувшись, ответил Рэй-Гинсей.

— Но прежде тебе лучше отпустить юную леди.

Если бы она была безобразна, другое дело, но обращаться так с красавицей

— серьезное нарушение этикета.

— Так что же вы не остановите меня, большие грозные охотники?

Края алых губ, окаймляющих два ряда ровных перламутрово-белых зубов, горестно опустились.

— Значит, вот как?

Что ж, отлично…

— Ладно-ладно, валяй-валяй!

Дрался Греко частенько, но сейчас он, видимо, не был уверен в успехе, потому-то, забыв о мощи боевой формы, со всей дури отшвырнул Дорис в сторону.

Не готовая к этому, Дорис сильно ударилась головой о край стола.

Когда же сознание вернулось к девушке, ее поддерживала пара крепких рук, а драка

— драка уже завершилась.

— У-у-у, больно,

— протянула Дорис, потирая лоб.

Рэй-Гинсей мило улыбнулся ей и поднял красавицу с пола.

— Мы разобрались с грубиянами.

Ситуация мне не слишком ясна, но, полагаю, имеет смысл уйти до того, как здесь появится шериф.

— М-да, ты прав.

— Голова раскалывалась, Дорис даже слегка заикалась, тем не менее девушка уловила резкий скрежет дерева о дерево, обернулась

— и застыла в изумлении.

Вся банда Греко лежала на полу, и, несмотря на дурноту, Дорис сразу заметила в этой куче-мале нечто странное.

Руки и ноги двух отморозков, чьи тела распростерлись близ нее, были вывернуты в локтях и коленях под совершенно неестественным углом, являя собой жуткие образцы нелепого искусства.

Вероятно, головорезы пали жертвами чудовищной силы Голема.

Однако внимание Дорис привлекли не столько они, сколько валяющиеся рядом обломки меча и мачете.

И если про мачете она ничего не знала, то меч определенно являлся высокочастотным оружием со встроенным акустическим волновым генератором

— таким ничего не стоит разрезать толстую железную пластину. Т

ем не менее оба пришли в полную негодность, словно ими пытались рубить стальную плиту.

Под одним из круглых столиков корчился главный приспешник Греко, его правая рука, О'Рэйли.

Он славился искусством обращения с револьвером; однажды Дорис довелось наблюдать, как О'Рэйли с пятидесяти ярдов метким выстрелом сбил летящую пчелу.

Когда девушка видела его в последний раз, он как раз тянулся к пушке…

Сейчас же О'Рэйли корчился на полу.

Дорис потряс его внешний вид: у стрелка был раскроен затылок.

Кто-то — возможно, не Голем, но кто-то из его спутников,

— подскочил к человеку сзади и нанес упреждающий удар, не позволив выхватить оружие.

Некто, валяющийся неподалеку от О'Рэйли, приподнял голову

— и кровь застыла у Дорис в жилах.

Первые три бандита, те, что близко познакомились со стеной, все еще не пришли в себя

— кое-кто счел бы их теперь везунчиками, этому же мужчине явно не повезло.

Его лицо выглядело так, будто его искусали дикие осы-убийцы: на коже вспухли темно-красные волдыри, сочащиеся гноем и сукровицей.

В этот момент некое черное насекомое споро подползло к ноге Дорис, остановилось

— и метнулось назад, словно кто-то его отозвал.

Это был крошечный паук.

По кожаным сандалиям горбуна, потом по его ноге, потом по спине паучок взобрался к горбу, обтянутому кожаной безрукавкой.

Внезапно жилет и горб раскололись прямо посередине, и насекомое исчезло в трещине.

Щель тут же затянулась.

— Удивлена?

Боюсь, для такой прекрасной молодой женщины шок слишком велик…

Голос Рэя-Гинсея прозвучал для Дорис как дальний колокол, ибо душа на время покинула ее

— при виде ужасающего исхода схватки: девушка увидела Греко, единственного, кто остался цел, все еще сидящего в кресле, вцепившись в подлокотники.

Лицо его напоминало маску мертвеца.

Дорис услышала деревянное постукивание, что издавали ножки трясущегося под Греко кресла.

Чему бы ни стал свидетелем этот человек, надежно укрытый боевой формой, его широко

распахнутые глаза не отражали ничего, кроме безграничного ужаса.

— Что вы, парни, сделали?

— спросила Дорис уже твердым голосом, оглянувшись на Рэя-Гинсея и выскользнув из его объятий.

— Ничего особенного,

— смиренно пожал плечами молодой человек.

— Мы просто закончили то, что начали они,

— в нашем собственном неповторимом стиле, конечно.

— Спасибо,

— искренне произнесла Дорис.

— Я оценила вашу помощь.

Если вы планируете побыть в городе какое-то время, мне хотелось бы сделать что-то, чтобы отблагодарить вас.

— Не тревожься об этом.

В этом мире нет ничего более скверного и богохульного, чем урод, силой подчиняющий себе красавицу.

Они просто отведали гнева небес.

— Ты мне льстишь, но поступил бы ты так же, если бы насильник угрожал другой девушке?

Дорис отвела взгляд от лица холодно улыбающегося красавчика.

— Ну, еще раз спасибо.

А теперь, если позволишь…

— Да, предоставь нам позаботиться об этом бедламе.

Нам не привыкать.

— Рэй-Гинсёй весело кивнул, но что-то черное плеснулось в его глазах.

— Не сомневаюсь, мы еще встретимся.

Несколькими минутами позже Дорис уже гнала повозку по направлению к ферме.

— Что-нибудь случилось, сестричка?

Заботливый тон сидящего рядышком Дэна не смог отвлечь девушку от размышлений.

Даже улыбнуться в ответ не получилось

— Дорис обуревала тревога.

Теперь от Греко следовало ожидать еще больших пакостей.

В довершение всего

— нет никаких гарантий, что Ди вернется сегодня вечером.

Конечно же, ей следовало остановить Ди, когда он сказал, что собирается отправиться в замок лорда днем, чтобы воспользоваться преимуществом

— способностью дампира действовать при солнечном свете.

Если он не справится, они останутся одинокими и беспомощными в ожидании следующего шага графа.

Доказательств, что вампир нанесет ей визит именно сегодня, не было никаких, но Дорис знала это наверняка.

Девушка в задумчивости покачала головой.

Нет, это означало бы, что Ди погиб.

«Я верю, он вернется»,

— подумала она.

Правой рукой красавица коснулась шеи.

Перед тем как отправиться в путь, Ди наложил на отметины клыков заклятие.

Чары оказались довольно просты: охотник всего лишь легонько нажал на рану левой ладонью.

Ди даже не объяснил, какой эффект последует за этими действиями, но сейчас Дорис не оставалось ничего другого, как положиться на колдовство дампира.

В ее сознании всплыло еще одно лицо.

Энергичный юноша из салуна тоже был в некотором роде ее спасителем, только от его поступков в ее сердце появилась странная зловещая тень.

Его мужественность вызывала восторг, но обостренные чувства невинной девушки позволили Дорис ощутить тошнотворно-сладкий аромат гниющих фруктов, витающий возле восхитительно прекрасного лица.

Девушку обуревали предчувствия, что новый пришелец таит в себе опасность куда серьезнее, чем Греко.

Вот и еще одна проблема на ее голову.

«Возвращайся. Мне все равно, победил ты графа или нет, только возвращайся ко мне».

Эти мысли не имели ничего общего с желанием оказаться в безопасности

— их породило другое чувство, еще не осознанное семнадцатилетней девочкой.

*****

За последние несколько минут прохладная, доходящая до пояса вода стала теплее, а туман, лижущий каменные стены,

— гуще.

Ди шагал уже полчаса.

Падать пришлось футов семьдесят.

Внизу охотника встретил подземный акведук.

Поскольку уровень воды был юноше всего лишь по грудь, от серьезной травмы дампира спасло не то, что он свалился в воду ногами вперед, но его нечеловеческие способности, а больше того

— специфическое строение организма, присущее всем дампирам.

Сложение тела вампира

— в первую очередь костей, мышц и нервов

— позволяет им амортизировать удары и залечивать раны в сотни раз лучше, чем это получается у людей.

И хотя таланты у каждого индивидуума варьируются, дампиры унаследовали по меньшей мере пятьдесят процентов способностей предков.

Дампир может врезаться в землю, рухнув с высоты семьдесят футов, и выжить.

Возможно, он переломает все кости и повредит кое-какие внутренние органы, но и тогда полное исцеление самых одаренных дампиров займет не более трех суток.

В любом случае Ди нимало не пострадал: погрузившись по грудь в черную воду, он озирал окрестности.

Вероятно, подземная пещера существовала здесь изначально, а впоследствии ее расширили и перестроили.

Там и сям на темных стенах серели заплаты из усиленного бетона.

Вода была не слишком холодной, бледный туман пропитал воздух запахом гнилой влаги.

Ширина акведука составляла футов пятнадцать.

Похоже, его создала сама природа, а специфический запах минеральных источников щекотал ноздри Ди еще во время падения в яму.

Вокруг охотника раскинулся мир непроглядной тьмы.

Лишь дампирское зрение позволило ему оценить свое местоположение.

Ди посмотрел вверх, однако не нашел крышки люка.

Его створки, расположенные в семидесяти футах над головой, давно вернулись на место; естественно, что их не удается различить.

И конечно, на грубо обтесанных скалистых стенах никаких признаков выхода.

— Что делать, что делать?..

— задумчиво пробормотал Ди, но все же целенаправленно зашагал туда, откуда текла вода, хотя поток струился мягко, беззвучно, почти незаметно.

Твердое, неровное дно акведука казалось плодом работы некой внешней силы.

Охотник понимал, что не стоит надеяться на то, что если идти вперед достаточно долго, то однажды перед глазами замаячит выход.

К тому же Ди знать не знал о трех сестрах, зловеще поминаемых графом в верхних покоях.

Ди чувствовал: что-то поджидало его на пути.

Еще он знал, что ранил графа.

Немыслимо, чтобы лорд-вампир без затей отправил столь серьезного противника в подземный бассейн.

Определенно здесь должна быть какая-то ловушка.

И все же ноги без устали несли охотника по твердому дну акведука, а на мужественном лице его, от которого, казалось, пятится сам мрак, не отражались ни напряжение, ни раздражение.

И вдруг Ди остановился.

Впереди, шагах в двадцать пяти, акведук расширялся и из-под воды торчало несколько жутких заостренных камней.

Туман стал неестественно плотным: его тяжелая завеса опустилась так низко, что казалось, она растет из самой воды, а пики напоминали по виду некие странные зловещие фигуры.

Воздух нес тошнотворную вонь разложения. Маслянистая пленка покачивалась на водной поверхности, а в зазубринах острых скал что-то белело.

Кости?..

Глубоко в тумане раздался громкий всплеск, будто рыба ударила хвостом по воде.

Впереди явно что-то было.

За этими таинственными камнями находилось его логово.

Однако Ди не подумал повернуть назад, но спокойно отправился в центр тумана, в скопище каменных глыб.

Пространство между ними напоминало бассейн

— или садок для рыбы.

Ряды камней полностью огораживали поток.

Вода здесь была стоячей, черной, еще чернее, чем раньше, а белый туман закручивался посредине свирепым вихрем.

Вероятно, серные источники находились совсем близко.

Чем ближе подходил Ди, тем больше становилось жутких камней, число костей множилось, а запах становился все более несносным.

Большинство костей принадлежало крупным животным, но попадались и человеческие останки.

Вон тот скелет, судя по колчану за спиной, принадлежит какому-нибудь егерю, вот на обрывках длинного платья

— определенно женский череп, а рядом

— крохотные детские косточки.

Смерть застала людей неожиданно: с костей свисали ошметки одежды, сквозь которые краснело кишащее червями мясо и сизыми лохмотьями бугрились внутренности.

Окидывая взглядом эту дикую, кошмарную картину, от которой обычный человек сошел бы с ума или окаменел, парализованный страхом, Ди отметил, что не видит ни одного сколько-нибудь целого скелета.

Нет, это не результат работы упорно жующих челюстей.

Кости как будто что-то стиснуло

— и крутило, крутило, выкручивало…

Ди замер на месте.

Плеск повторился, на этот раз гораздо ближе.

В ответ взвизгнул, покидая ножны, клинок охотника.

Тут же поверхность воды покрылась рябью и из глубины ее вырвалась некая белая масса.

Миг — и справа всплыла похожая глыба.

Еще миг — и ровно такая же появилась слева.

Белея в темноте, на поверхности появились головы чувственных, соблазнительных красавиц.

Возможно, Ди оторопел, поскольку стоял как вкопанный и даже не воспользовался мечом.

Женщины внимательно осмотрели его.

Они не походили друг на друга, но были одинаково прелестны; внезапно алые губы всех трех исказила широкая усмешка.

Далеко позади вновь послышался всплеск воды.

Возможно, женщины приплыли сюда, спасаясь от чего-то, что преследовало их?

Но тогда странно, почему они оставались под водой

— на поверхности были видны одни лишь головы.

А эти ухмылки

— такие злые, такие манящие…

Несколько секунд Ди и женщины смотрели друг на друга.

Потом троица стала подниматься

— разом, под оглушительный звук капели.

Головы вознеслись на уровень лица Ди, а потом взмыли выше

— много выше.

Кто в мире людей мог бы вообразить подобное ошеломительное зрелище?

Прекрасные головы, лишенные тел, чарующе улыбались сверху

— с высоты десяти футов.

Видимо, это и были те три сестры, которых упомянул граф.

Тут заговорил Ди:

— Я слышал о вас.

Мидвичские медузы, полагаю?

— О, ты знаешь о нас, правда?

Улыбка исчезла с лица средней, видимо старшей, сестры.

Голос ее звенел, как колокольчик, и в то же время сочился ядом.

Однако слышалось в нем и удивление

— не оттого, что юноше была ведома их истинная природа, но скорее потому, что в его словах не чувствовалось и тени страха.

Мидвичские медузы.

Эти обольстительные существа

— сверхъестественные бестии, создания непревзойденного зла

— питались сладострастием молодых мужчин и женщин.

В районе Фронтира, известном как Мидвич, они погубили сотни селян.

Предполагалось, что их не так давно извели силой молитв чрезвычайно добродетельного монаха, путешествовавшего по местным землям, однако неведомым способом троице удалось спастись.

Случайно встретившись с графом Ли, сестры согласились поселиться под его замком с условием, что они будут получать по три коровы ежедневно.

Настоящих демонов, вроде мидвичских медуз, уничтожить крайне трудно, в отличие от монстров, созданных руками вампирской знати.

Медузы существовали десятки тысяч лет, пережив легенды о себе.

Как у гидры из древних мифов, головы красавиц росли из единого туловища, массивная колонна которого скрывалась под водой и была покрыта серебристо-серой чешуей.

Плеск на заднем плане производил хвост, которым чудовище в нетерпении било по воде: жертва пришла!

Впрочем, Ди видел только женские головы.

Он понял, кто это, потому что узнал прекрасные лица

— их описание молва разнесла по всему Фронтиру.

Однако интересно, почему все, что располагается ниже, тает во тьме?

— Симпатичный экземпляр, сестры,

— с чувством прошептала правая голова и облизнулась

— точно яркое пламя коснулось губ.

Тонкий скользкий язычок на конце раздваивался.

— Давно мы не встречали человечка, достойного наших услад.

И дело не только в смазливом личике

— посмотрите, какие у него мускулы.

— Сестры, я не позволю вам первыми попробовать его,

— заявила левая голова.

— Всего пять дней назад вы перекусили егерем, который забрел сюда, пока я дремала.

Теперь моя очередь!

Я первая вознесу его на вершину удовольствия и первая глотну его крови, когда он рухнет на этот пик.

— Ну и нахальство!

Мы старшие!

— взвыла правая голова.

— Сестры, не спорьте,

— упрекнула их средняя и повернулась налево.

— Ты можешь испить его крови первой.

Однако услаждать его мы будем вместе.

— Хорошо.

— И я согласна.

Все три головы удовлетворенно кивнули.

В трех ртах мелькнули алые языки, три пары страстных глаз облизали каждый дюйм тела Ди.

— Но будьте начеку,

— строго предупредила старшая.

— Этот мужчина не боится нас.

— Чушь! Как может кто-то знать, кто мы такие, и не трепетать от ужаса?

Когда мы рассердились на скудость пищи и обнажили клыки, разве сам граф не кинулся наутек, после чего никогда больше не появлялся в нашей обители?

— спросила правая голова.

— Но даже если он и не боится, что он может сделать?

Человечек, способен ли ты пошевелиться?

Ди молчал. Действительно, двигаться он не мог.

Едва охотник увидел лица мидвичских медуз, как тело его оказалось спеленуто множеством невидимых цепких рук.

— Теперь сообразил, человечек?

— продолжила средняя, и видимо старшая, сестра.

— Это наши волосы постарались.

И точно. Шеи и туловища мидвичских медуз терялись во мгле, потому что все, что находилось ниже их подбородков, скрывали черные волосы, целый каскад из десятков тысяч прядей, плотным саваном обволакивающий чешуйчатое тело.

Однако это были не обычные волосы.

Локоны расползались по поверхности воды, точно щупальца, и, почуяв движение, присутствие кого-то в их логове, по воле трех сестер заманивали жертву в центр каменного кольца.

Затем, когда наступало время, в мгновение ока опутывали конечности несчастного, полностью обездвиживая жертву.

И это еще не все.

В окруженном скалами бассейне плескалась вовсе не вода.

Скалистые пики перегораживали акведук, так что вода обтекала яму, само же логово было наполнено секрециями волос.

Жидкость текла медленно, неуловимо, вторя мягкому колыханию локонов, и даже Ди, с его обостренным осязанием, не успел подготовиться к нападению.

Незаметно для охотника волосы обтянули его талию, обвились вокруг запястий и предплечий, вокруг плеч и шеи, надежно пленив конечности.

Остальные же волоски

— нет, щупальца!

— принялись нырять в рукава, штанины, проникать в швы одежды, добираясь до голого тела, дразня его, рассчитывая сделать Ди рабом низменной страсти.

Вне зависимости от того, насколько человек крепок духом, через несколько секунд подобных интимных поглаживаний он поневоле отдавался неге, превращаясь в объятого похотью безумца,

— такова была бесстыдная, грязная ласка мидвичских медуз, и никто не мог ей противостоять.

— Ну, станешь ли ты молить нас о пощаде?

— спросила старшая.

— Обычно мы забираем жизни вот так.

Вот так…

— Ее слова послужили сигналом остальным: троица прянула в разные стороны, смоляной поток разделился, открывая три длинные шеи, отливающие чернью и голубизной, и массивный торс.

Туловище оказалось таким толстым, что двое взрослых мужчин, раскинув руки, не смогли бы обхватить его.

Медузы подались к Ди поближе.

— Мы можем переломать тебе все кости, когда пожелаем,

— продолжила старшая сестра, глядя Ди прямо в глаза.

Взор ее полыхал красным пламенем адского сладострастия.

— Но ты такой хорошенький.

И так хорошо сложен…

— Верткий язычок лизнул шею Ди.

— Воистину.

Нам уже века три не попадался подобный красавчик.

— Влажные губы другой сестры играли с мочкой уха Ди, обдавая щеку охотника жарким, дразнящим дыханием.

— Но мы не станем убивать тебя.

С нами ты познаешь неземное наслаждение, а потом мы осушим тебя до мозга костей,

— сладострастно простонала честная младшая голова.

Источником жизни мидвичских медуз служила не только энергия, выкачиваемая из истощающихся организмов.

Благодаря аномальным, свойственным лишь демонам способностям, они превращали крепких мужчин и миловидных женщин в самом расцвете сил в бездумных развратников, терзаемых страстью, а затем поглощали энергию чистейшего сексуального наслаждения, источаемую

жертвами в апогее страсти.

Вот весь секрет бессмертия трех сестер, вот почему они существовали еще до вампиров, с тех древних времен, когда миром правила человеческая раса.

Впрочем, никто не утверждает, что медузы всеядны.

Сестры были своего рода гурманами.

Граф посылал в подземный мир сотни людей, но сестры веками не получали такого удовольствия, как сегодня.

Обычно они просто пожирали плоть жертв, жадно, но безрадостно,

— и так год за годом.

А теперь пришла пора, и их общее тело содрогалось в конвульсиях грядущего наслаждения.

Яркий румянец разгорелся на трех прекрасных лицах, в глазах заплясало веселое пламя, а обжигающее дыхание угрожало расплавить Ди.

— Итак, приступим,

— провозгласила старшая.

Три пары влажных, чарующих губ приникли к намертво сомкнутому рту охотника.

И в этот миг сестры увидели

— увидели кровавый отсвет, вспыхнувший в глазах Ди.

Свет этот проник в развращенные мозги медуз: внезапно три сестры ощутили, как по их телу побежал доселе им неведомый, сладкий трепет.

— О-о, эти губы,

— хрипло протянула старшая голова.

— Покажите мне ваши шеи,

— приказал вдруг низкий, властный голос.

Не успев даже понять, что это произнес именно Ди, три сестры разом вздернули подбородки, явив требуемое.

Инстинкт подсказывал им, что нет другого способа продлить лихорадочное возбуждение, терзающее их тела.

Всякий разум отказал мидвичским медузам.

— Распустите волосы.

Секунда — и Ди обрел свободу.

Правой рукой он вернул меч в ножны, а левой прихватил одну из смоляных прядей.

— Капкан с наживкой из наслаждения

— вот только кто кого поймал?

— Пробормотав это, Ди отбросил коварные волосы и притянул к себе красавиц поближе.

— Эта работа мне не по душе, но другого способа найти выход отсюда нет.

Меня ждут. — Внезапно брови его поползли на лоб, а глаза закатились.

Губы охотника приоткрылись, и из-под них показалась пара клыков.

Свирепый, злой — сейчас он как никогда походил на вампира.

Что же произошло дальше в кромешной тьме?

Женским крикам вторил плеск воды

— это бился в судорогах сладострастия медузий хвост.

Неземное удовольствие овладело сестрами, они угодили в собственную ловушку и теперь захлебывались наслаждением.

Вскоре одно за другим последовали три шумных удара о воду.

А потом Ди скомандовал:

— Вставайте.

Заворочалось черное туловище, принялись извиваться змеиные шеи: три сестры поднимались снова, но теперь их лица были пусты, а глаза, прежде налитые кровью, погасли, став серее тумана,

— страсть задушила жизнь.

Жутко было смотреть в эти мертвенно-бледные, восковые лица, отмеченные ниже подбородка парой глубоких рваных ран

— следами клыков.

Кто бы мог предположить, что демоническая кровь, дремлющая в венах Ди, даст о себе знать в критическую секунду?

Тыльной стороной ладони юноша отер рот, испустив болезненный стон.

Наконец, когда лик его вновь стал холоден, как горный ручей, Ди приказал сестрам вести его к выходу.

Три головы молча качнулись в воздухе и растворились во мраке.

Ди пошел за ними следом.

И тут раздался насмешливый голос, как будто заговорила некая часть тела охотника:

— Пускай тебе это и ненавистно, собственную кровь не переборешь.

Такова твоя судьба

— и ты чувствуешь это нутром.

Ответ последовал незамедлительно:

— Замолчи!

Не помню, чтобы разрешал тебе объявляться!

Убирайся!

Сердитый оклик явно принадлежал самому Ди.

Тогда кто же заговорил первым?

И что означали странные фразы юноши?

И главное, почему обычно ледяное спокойствие изменило ему, пусть даже на мгновение?

В то время как горизонт впитывал последние отблески заката, а Дорис продолжала ждать Ди, к дому девушки подкатили дрожки доктора Ферринго.

Обескураженная Дорис попыталась отвадить старика.

Врачи во Фронтире слишком ценились, чтобы подвергать одного из них такой опасности.

В конце концов, это ее, и только ее, бой.

За обедом она подмешала в тарелку Дэна успокоительное, и мальчик давно уже крепко спал.

Ничего лучше Дорис не придумала: преследующий жертву аристократ даже не глянет на того, кто не стоит у него на пути.

— Гм, док, я сегодня немного занята по хозяйству,

— предупреждающе крикнула с крыльца Дорис.

На что доктор заметил:

— Ничего, не страшно.

Я тут ездил по вызову, нельзя ли мне попросить стаканчик воды?

— И, взмахом руки отметая возражения, доктор взлетел по ступенькам, распахнул дверь,

прошествовал в гостиную и уселся на диван.

Это был друг ее почившего отца, он присутствовал при рождении Дорис и Дэна: его руки помогли им явиться на свет, а после смерти родителей и до сего дня доктор бессчетное число раз помогал осиротевшим детям.

Поэтому Дорис не могла просто так выставить доктора

— за ушко, как говорится, да на солнышко.

Тем более что старик отчего-то пустился в пространные воспоминания о своих юношеских приключениях, расписывая, как сражался со сверхъестественными существами

— или «проклятыми тварями», как он их называл,

— и Дорис ничего не оставалось делать, кроме как сидеть и внимательно слушать.

Доктор не мог не знать, что аристократ, весьма вероятно, явится за Дорис прямо сегодня, так что девушка лишь удивлялась, отчего это старый друг отца решился под вечер составить ей компанию.

С каждой минутой ночь подступала все ближе, а Ди все не возвращался.

Солнце клонилось к закату, и Дорис решила: она будет биться в одиночку.

Оборонные средства и ловушки, разбросанные по периметру фермы, были проверены и перепроверены, только вот бояться девушка не перестала, страх лишь усиливался.

Ведь теперь приходилось тревожиться не только за себя, но и за доктора.

«Не важно, что случится со мной, я должна защитить дока любой ценой.

Пожалуйста, не дай ему напасть, пока док тут».

Беззвучная мольба Дорис полетела к небесам, но тут новая тревожная мысль пробилась в ее сознание.

Как это не важно, что случится?

Нельзя так думать.

«Если граф сделает меня одной из них, что станет с Дэном?

Как мальчик будет жить дальше, зная, что его единственная сестра превратилась в вампира?

Слишком тяжелая эта ноша.

Нет, Дорис, этот номер не пройдет.

Пускай тебе оторвут руки и ноги, но победить ублюдка ты обязана».

Девушка собрала всю свою храбрость в кулак, но пальцы, образно говоря, тут же разжались, и напускное мужество утонуло в пучине страха.

Выпестованный веками ужас жертвы перед губительными клыками аристократа был так силен, что семнадцатилетняя девочка, пусть она даже и была отличным бойцом, не могла не поддаться ему.

Когда стрелки часов показали половину десятого, Дорис наконец решилась перебить гостя:

— Ну, док, мне уже пора ложиться.

«Так что, пожалуйста, поскорей отправляйся домой»

— вот что на самом деле подразумевала девушка, но доктор Ферринго, кажется, вовсе не собирался уходить, Вместо этого он произнес слова, потрясшие ее до глубины души:

— Полагаю, тебе скоро должен нанести визит опасный посетитель.

— Верно, док, так что тебе лучше…

— Да, милая,

— взгляд пожилого врача был полон безграничной любви,

— не будь так сурова со мной.

Семнадцать лет назад я собственными руками перерезал твою пуповину и услышал твой первый крик.

Ты всегда была мне как дочь, верно?

И вот теперь этот старый дурак не желает стоять в стороне, пока одна юная леди будет сражаться с демоном, вылезшим прямо из ада.

— Глаза застывшей у дверей Дорис заблестели от слез.

— Не вешай носа,

— почти весело продолжал старик.

— Может, я и не похож на героя, однако… не кто иной, как твой покорный слуга, научил вашего отца кое-каким приемам охоты на оборотней.

— Знаю.

Просто…

— А если знаешь, к чему эти слезы?

Впрочем, иногда любопытно посмотреть, как плачет такая маленькая злючка.

Да, кстати, где этот молодой человек?

Ты наняла его для защиты, а он дал деру, едва спустилась ночь?

Он явился как привидение, а оказался простым бродягой, а?

— Нет!

— До сих пор Дорис молча кивала, тронутая словами доктора.

Ее внезапный возглас заставил старика подпрыгнуть как ужаленного.

— Он не такой человек… то есть, я хочу сказать, он не поступил бы так.

Нет, сэр.

Его сейчас здесь нет, потому что еще засветло он отправился в замок графа.

Один.

И пока еще не вернулся.

Я просто…

Я уверена, с ним что-то случилось…

Странный огонек вспыхнул в глазах доктора Ферринго.

— Значит, вы…

Ясно, ясно…

Я не знал, что ты к нему так относишься.

Дорис поспешно вытерла слезы; самообладание вернулось к ней.

— Что ты имеешь в виду?

Я не… То есть…

Врач усмехнулся, поскольку на щеках юной девушки расцвел густой румянец, и развел руками.

— Ладно, ладно.

Я ошибся.

Если ты считаешь, что он верен слову, думаю, нам нет нужды беспокоиться.

Уверен, он скоро вернется.

А пока, как ты относишься к тому, чтобы выработать план для пленения графа?

— Хорошо отношусь,

— весело кивнула Дорис и вдруг с нескрываемой тревогой спросила:

— Но каким же образом?

История не знала случая, чтобы человек захватил в плен вампира-аристократа.

Сражения между двумя расами обычно сводились к выбору: убивать или быть убитым.

И исход таких битв, особенно когда они велись ночью, в родной стихии знатных лордов, да еще с учетом оружия и способностей сторон, был вполне очевиден.

— Да вот таким…

— Престарелый доктор извлек из верного медицинского саквояжа маленькую стеклянную бутылочку, под горлышко забитую желтоватыми гранулами.

— И что же это, черт побери?

— В голосе Дорис смешались надежда и дурные предчувствия.

Доктор Ферринго вместо ответа достал из того же саквояжа мятый конверт, вытащил из него лист бумаги, развернул и протянул его Дорис.

Едва девушка взглянула на бурые строчки на потертой бумаге, ее потрясенный взгляд метнулся к врачу.

— Почерк…

Это писал мой отец…

Седой старик согласно кивнул:

— Твой дорогой отец часто писал мне из путешествий, в которых он оттачивал боевое искусство, задолго до того, как родились ты и твой брат.

Но это письмо — одно из последних.

Прочти его: там говорится о стычке твоего отца с вампиром.

— Отца с вампиром?

Забыв обо всем, Дорис погрузилась в письмо.

Первые две строчки сообщали, что охотник прибыл на место.

Затем буквы запрыгали

— будто от возбуждения или же страха.

Я нашел!

Слабость ублюдка

— т…

И все.

Больше ничего не было, лишь пустое пространство грубой, пожелтевшей от времени бумаги.

Растерявшаяся Дорис уставилась на врача:

— Почему письмо не закончено?

Может, что-то было в других его письмах?

Доктор покачал головой.

— Когда твой отец писал это письмо, на него напал вампир, но он отразил атаку.

Похоже, при этом ему удалось обнаружить слабое место аристократов.

В другом письме он ясно дает это понять.

Дело в том, что, когда он победил врага, собрался с мыслями и снова взялся за перо, дабы рассказать о своем открытии, он вдруг осознал, что напрочь забыл, в чем оно, собственно, состояло.

— Ты серьезно?

Как такое могло произойти?

— К этому мы вернемся позже.

В любом случае не прошло и пяти минут с тех пор, как опасность миновала, и твой отец обнаружил, что стоит посреди съемной комнаты, будто зомби, с пером в руке.

Как одержимый, он принялся просеивать и ворошить воспоминания, восстанавливая картину боя, однако все его усилия оказались напрасны.

Вампир появился, враги схлестнулись.

Он помнил отчетливо, что ему удалось обратить противника в бегство, но как он это сделал и что послужило решающим фактором

— все это совершенно стерлось из его памяти.

— Но почему?

Возможно ли это?

Снова оставив вопросы Дорис без внимания, доктор продолжил:

— Остался лишь крошечный намек, вот это «т» в конце письма, но твой отец так и не разгадал, что же он имел в виду.

Он отправил мне другое письмо, где рассказал, как все было, и попросил помочь разобраться.

К сожалению, я не оправдал его надежд…

— Значит, если дело в этом,

— Дорис загорелась идеей и совершенно забыла о приближающейся опасности,

— нам всего лишь нужно решить загадку маленького «т», чтобы отыскать уязвимое место аристократов, да?

Голос девушки дрожал от возбуждения, но сладость надежды быстро иссякла.

Девушка поняла, что уныние на лице старого доктора говорит о том, что решение загадки

— дело почти безнадежное.

В прошлом не единожды предпринимались попытки узнать верный способ защиты от вампиров, но все они оказались бесплодными.

Хотя у людей вроде бы имелось достаточно возможностей разгадать вампирский секрет в бесчисленных столкновениях, происходивших с тех пор, как их раса потеряла право на управление миром, ни один из опробованных способов результатов не дал.

Вот уже несколько веков разочаровавшиеся люди даже не пытались найти ответ на столь мучивший их некогда вопрос.

— В конце концов аристократы уничтожат нас всех, да?

То есть, я хочу сказать, если у них нет никаких слабостей…

Жалкие слова Дорис делали ее похожей на побитую собачонку, поэтому доктор Ферринго покачал головой и твердо заявил:

— Нет.

Если бы это было так, то все эти годы по свету не ходили бы слухи о предметах, способных причинить им вред.

Разве твой собственный отец не верил, что ему удалось изгнать вампира?

Твой отец не стал бы лгать даже ради спасения своей жизни.

Я слышал о рыцарях и странниках, переживших сходный опыт, и даже говорил с некоторыми из них лично.

— И ты выяснил что-нибудь?

— Нет, со всеми произошло то же, что и с твоим отцом.

Они, предприняв некие действия, сумели избежать омерзительных клыков противника или, точнее, вынудили врага бежать.

Однако, несмотря на это, никто из них впоследствии так и не сумел припомнить, что же именно он делал в этот момент.

Дорис безмолвствовала.

— Не так давно я попробовал систематизировать различные слухи об уязвимости аристократов

— как легендарный материал, обязанный своим рождением горячему желанию победить.

Однако, перерыв целую груду записей и систематизировав известные мне реальные случаи, пришел к твердому выводу, что слабое место вампира

— отнюдь не легенда.

Люди просто забывают происходящее.

Думаю, это манипуляция человеческими воспоминаниями.

— Манипуляция воспоминаниями?

— нахмурилась Дорис.

— Если точнее, это можно назвать выборочным и автоматическим редактированием памяти.

Точнее: наш разум программируется на автоматическое стирание всех воспоминаний определенного сорта.

— То есть воспоминаний об их слабости?

Об оружии, которым можно изгнать вампира?

— Как Дорис хотелось сейчас прочитать мысли старика!

Что же за порошок хранится в его бутылке?

Девушка не отрывала от доктора глаз, в которых боролись надежда и неуверенность.

Доктор продолжил:

— Не забывай, мы говорим о тварях, десять тысяч лет правивших миром.

Уверен, изменить человеческую ДНК или перепрограммировать наше сознание на селективное

искоренение любых воспоминаний для них

— раз плюнуть.

Эта теория вовсе не новая, к тому же она подтверждается моими собственными исследованиями, так что я принял ее как данность.

Я не из тех, кто соглашается с домыслами, не зная стоящих за ними людей и фактов, но тут все сошлось.

Итак, эта теория стала основой, остальное было просто.

— Остальное?

— Все, что требовалось,

— это вернуть нужные воспоминания.

Дорис охнула:

— И ты правда сумел это сделать?

В ответ доктор, весьма довольный собой, встряхнул на ладони маленькую склянку:

— Вот плод моих усилий.

Я гипнотизировал опрашиваемых мужчин и женщин и пытался вернуть их память с помощью стимулятора воспоминаний, который заказал в Столице.

Из дюжины подопытных разговорились двое.

Видишь, даже со всей их наукой, создания тьмы не в силах полностью стереть наши мысли.

Дорис заметила, что доктор слегка запнулся на последнем предложении, но не поняла почему.

К тому же ее сейчас волновало другое:

— Но если это все правда, док, то не должны ли и мы забыть об этом порошке?

— Нет, со мной пока все в порядке.

Если следовать моей гипотезе, потеря памяти происходит лишь тогда, когда подсознание получает реальные доказательства обнаружения уязвимости вампиров.

Однако ни ты, ни я в глубине души не слишком-то верим в эффективность подобного препарата.

Наверное, потому вражеское программирование пока не начало действовать.

— Тогда почему бы нам не записать где-нибудь?..

— Бессмысленно.

Впоследствии даже тот, кто писал записку, примет ее за горячечный бред сумасшедшего.

Слегка разочарованная, а то и просто спущенная с небес на землю, Дорис попробовала другой подход:

— Значит, твой порошок

— та самая штука на букву «т» из письма отца?

И снова врач покачал головой:

— Боюсь, что нет.

Я много размышлял, но так и не смог связать препарат с этой буквой.

Возможно, твой отец, ошеломленный сделанным великим открытием, просто ошибся в написании, но не думаю, что дело в этом.

Большинство прочих опрошенных слышать не слышали ни о каком порошке.

Полагаю, буква «т» означает нечто совершенно иное.

— Но если кто-то сумел вспомнить порошок, отчего они забыли остальное?

Доктор Ферринго помолчал, а потом заговорил так тихо и печально, что Дорис едва

расслышала его:

— Я всегда чувствовал, что есть нечто весьма ироничное в отношениях людей и знати

— точнее, во взгляде аристократов на человечество.

Сомневаюсь, что ты, с учетом текущих обстоятельств, поймешь это, но вампиры, возможно, чувствуют к нам некоторую привязанность.

— Какого черта!

Аристократы считают себя нашими друзьями?

Какая чушь!

Рука Дорис резко

— еще резче, чем ее тон,

— рванула шарф, скрывающий раны на горле.

Впервые за всю свою жизнь девушка сверлила старого врача самым свирепым взглядом:

— Мне плевать, кто ты такой, док, но…

Я слов не нахожу!..

— Не кипятись так!

— Доктор всплеснул руками, пытаясь успокоить девушку.

— Я никоим образом не утверждаю, что вся знать испытывает к нам подобные чувства.

Любое изучение исторических фактов показывает: в подавляющем большинстве случаев вампиры демонстрируют отнюдь не симпатию, но относятся к людям хуже, чем к машинам.

В эмоциональном отношении

— если на миг допустить, что у вампиров вообще существуют эмоции,

— девяносто девять процентов аристократов ничем не отличаются от напавшего на тебя лорда.

И очень трудно принять в расчет реальность существования оставшегося единственного процента.

В другой раз я перечислю тебе все обнаруженные мной факты…

«Только вот будет ли у меня этот „другой раз”?»

— подумала Дорис.

Она чувствовала; как за окном, рассекая по-весеннему сладкий воздух, к ней несется древнее зло.

Доктор Ферринго больше не смотрел на Дорис.

Прикипев взглядом к какой-то точке на полу, он продолжил излагать свои соображения:

— Например, почему они проводят различие между своими слабостями и оружием, которым их можно уничтожить?

Почему какие-то воспоминания об этом порошке остались, хотя их можно было бы стереть напрочь, как слово, начинающееся с буквы «т»?

Или по сравнению с этим «т» порошок всего лишь мелкая помеха?

Или ублюдки просто дразнят нас?

Хозяева жизни кинули людишкам кость

— вот, мол, радуйтесь.

Тогда почему нельзя было с самого начала сделать это знание общедоступным?

— Доктор Ферринго захлебнулся словами и прервался на миг, а потом возобновил свой рассказ:

— К этому выводу я пришел после скромного исследования, занявшего половину из шестидесяти лет старого дурня: принял вызов от расы, достигшей вершины и стремящейся к полному забвению.

Вызов, брошенный нам, людям,

— народу, который вампиры и в грош не ставят.

Я надеюсь, со временем мы можем достигнуть их уровня, а то и превзойти их.

И верю, что они могли бы сказать:

«Если вы, люди, хотите унаследовать наш трон, попытайтесь победить нас собственными силами. Получили порошок

— попробуйте раскрыть загадку „т”.

Если получится, что ж, не дайте ответу кануть в тумане беспамятства».

— Это невозможно.

— Дорис показалось, что слова, сорвавшиеся с ее собственных губ, прозвучали где-то в миллионе миль отсюда.

— Выходит, они вроде инструктора, обучающего охотников…

Пожилой врач слегка наклонил голову, хотя и неясно было, услышал ли он шепот Дорис.

Не отрывая взгляда от пола, старик произнес:

— Низшие вампиры на такое не способны.

А вот…

— Что

— вот?..

— Он.

Все истинные аристократы подчиняются тысяче Высших, Семи королям и легендарному темному лорду, правящему ими всеми,

— великому вампиру, королю королей, Дра…

Внезапно Дорис напряженно застыла.

— Док!

— воскликнула она, но это было не предупреждением, а скорее криком о помощи.

Возвращенный к реальности старик обернулся в ту сторону, куда смотрела девушка,

— к окну гостиной.

Пустынную равнину заливал прохладный лунный свет, ночь стояла недвижимо, но оба человека отчетливо расслышали далекий скрип колес и стук копыт.

— Кажется, он идет.

— Черт меня подери, если я не устрою ему веселенький прием.

И хотя девушка всем своим видом демонстрировала стойкость амазонки, сердце ее горестно стенало, умоляя о помощи.

«Ох, Ди, ты все-таки не успел вовремя».

Черные киборги неслись, точно грозовые тучи, и, когда грохот их копыт приблизился, Дорис стремительно пересекла гостиную и крутанула одну из серебряных церемониальных масок, украшавших правую стену.

Глухо зашуршав, часть пола и стена повернулись и исчезли из виду, уступив место деревянному пульту управления и креслу.

Да, пульт выглядел деревянным, но верхняя панель, утыканная кнопками и рычажками и пестрящая разноцветными лампочками и шкалами, определенно была железной.

Настоящий боевой центр управления

— устанавливали его специалисты из самой Столицы, приглашенные еще отцом Дорис.

Отсюда контролировалось все оружие фермы.

Центр, подготовленный к нападению диких тварей, свирепствующих на степных просторах, был лучшим из того, что можно купить за деньги.

Довершая картину, с потолка свисал большой призматический экран.

— Ха!

Помнится, когда-то я спросил твоего отца, что он ремонтирует в доме, а он ответил, что монтирует новый преобразователь солнечной энергии.

Хитрец, он таился даже от меня!

Однако времени предаваться беззаботным воспоминаниям уже не осталось.

На экране был виден черный экипаж, запряженный четверкой вороных, несущихся по дороге к ферме.

Рука Дорис потянулась к одному из рычажков.

Экран раздвоился: заработала система наведения.

— Спокойно…

— Доктор Ферринго смотрел в окно; в кулаке он сжимал склянку с порошком.

— У нас еще имеется электромагнитный барьер.

Не успел он закончить фразу, как запертые на три засова бревенчатые ворота стремительно, без скрипа и шороха распахнулись.

Черная карета влетела во двор вместе с порывом ветра, и тут же ее окутало ослепительное пламя.

Достаточно мощный, чтобы поджарить некрупного дракона, невзирая на толстую его чешую, которую не берут никакие клинки, электромагнитный барьер взорвался фонтаном искр, на краткий миг превратив чернейшую ночь в ясный день.

Прорвавшись сквозь гигантский раскаленный костер, к ферме устремился сверкающий шар.

Лошади, кучер, экипаж

— на всем трепетал белый огонь.

Точно адская карета вдруг появилась на земле

— такое необыкновенное это было зрелище.

— Они проехали.

Но какого черта?..

— озадаченно воскликнула Дорис, наблюдая за конями-киборгами: она ожидала, что, преодолев барьер, четверка влетит во двор, подобно урагану, но ни одно копыто не сбилось с шагу, пока экипаж не остановился у самого крыльца, как, видно, и было запланировано.

Извивающиеся языки магнитного огня быстро исчезали.

Врага защищал барьер помощней фермерского.

— Не сейчас.

Смотри!

Он выходит!

Обнадеживающая команда задержала руку девушки, но в голосе доктора звучали напряжение и страх.

Пусть пожилой врач и старался выглядеть оптимистом, тысячелетнее владычество вампиров сказывалось на его подсознании.

Черная дверь открылась, и по ступеням, автоматически опустившимся на землю, сошла массивная фигура в соболях.

— Он что, идиот?

Гляди, гляди, выпрыгнул из повозки, точно ему плевать на все.

Однако нарочито бодрому голосу Дорис недоставало силы.

Ее противник знал, что любые средства защиты не представляют для него угрозы.

И все же когда злодей, оставивший грубые отметины на шее девушки, обнажил в усмешке клыки и двинулся к дому, Дорис потянула рычаг.

По всей ферме заскрипели, разворачиваясь, пружины.

В графа полетели черные глыбы, валуны добрых четырех футов в диаметре, чтобы бессильно упасть на землю в считанных дюймах от него.

Катапульты не промахивались, но каменные снаряды, ударившись о невидимый барьер, полностью лишались кинетической энергии и становились бесполезными, не в состоянии нанести графу ни малейшего урона.

— Так я и думала, добыча нелегкая.

— Дорис щелкнула вторым рычажком.

На этот раз пусковые установки извергли град стальных копий.

Десять первых дротиков отскочили от вампира, но одиннадцатый и последний вонзился в аристократический живот.

— Есть!

— воскликнула Дорис, стиснув рычаг так, что чуть не сломала его.

Но улыбка тут же застыла на губах девушки

— на миг остановившийся враг жутко ухмыльнулся и все так же спокойно двинулся дальше;

торчащее из спины стальное копье, проткнувшее туловище насквозь, совершенно ему не мешало.

«Ублюдок хочет сказать, что ему даже не нужно силовое поле, чтобы отразить мои атаки!»

Ледяные, когтистые лапы настоящего страха вонзились в сознание Дорис.

Она вдруг поняла, что вампиру не обязательно приближаться к жертве, ибо для того, кто хоть раз ощутил на своей шее кровавый поцелуй, одного слова злодея по ту сторону двери

достаточно, чтобы заставить несчастного броситься в поджидающие его объятия смерти.

Именно от такого поворота дел уберег ее Ди, лишив сознания, когда незваные гости пожаловали на ферму в первый раз.

— Он играет со мной!

Дорис, как одержимая, принялась дергать рычаги и давить на кнопки.

Вампир не умрет, пока сердце его не пронзено.

Конечно, девушка знала об этом непреложном факте, но, увидев собственными глазами в действии чудовищную мощь врага, Дорис совершенно утратила хладнокровие, обычно ей свойственное.

А страх, тот самый страх непостижимой тьмы, дремлющий во всех смертных, лишил ее остатков благоразумия.

Спрятанные в кустах автоматические пушки изрыгнули пламя.

Огненным дождем посыпались стрелы с взрывающимися наконечниками, подожженные линзами солнечной батареи.

Среди густого дыма, ослепительных взрывов и оглушающего грохота граф лишь усмехался.

Да, человечество всегда сопротивлялось изо всех сил, в результате чего их род остался жить на земле, подобно тараканам.

Его же раса неостановимо угасала, точно отсвет садящегося солнца.

Внезапно графа обуял гнев, заменивший прежнее восхищение упорством жертвы.

В глазах бессмертного вспыхнуло кровавое зарево.

Заскрежетав клыками, граф ринулся к крыльцу, одним прыжком преодолел ступени, выдернул из живота копье и обрушил его на дверь.

Слетев с петель, створка упала в прихожую.

За дверью обнаружилась черная железная сетка, и в тот миг, когда граф собрался уничтожить

последнюю преграду и небрежно повел по сетке своим оружием, что-то внезапно полыхнуло, и вампир почувствовал, как по его руке от копья потекло в тело яростное жжение.

Плоть под черным одеянием впервые мучительно содрогнулась, волосы вампира встали дыбом.

Регенеративные способности проклятого активизировались, противодействуя страшному электрошоку и заново перестраивая молекулярную структуру клеток.

Удар незваному гостю нанес трансформатор, преобразовавший энергию, скопившуюся за день в солнечных батареях на крыше.

Это был пятидесятитысячевольтный заряд.

Не обращая внимания на то, как поджариваются его клетки и спекаются нервы, граф решительно взмахнул копьем.

Одарив вампира прощальным дождем искр, электропроводящая проволочная сетка разорвалась и упала на пол.

— Неплохо для одинокой женщины,

— с уважением пробормотал граф, протирая налитые пурпуром глаза.

— Она настоящий боец, я в ней не ошибся.

Дитя, я обязан заполучить твою кровь любой ценой.

Жди меня.

Дорис знала, что исчерпала все имевшиеся в ее распоряжении средства.

Монитор переключился на обзор дома, и экран заполнило изображение жаждущего крови демона.

Внезапно дверь в гостиную распахнулась от сильнейшего удара.

Дорис отскочила от пульта и загородила собой доктора Ферринго.

— Дитя,

— произнесла фигура, вставшая в дверном проеме,

— для женщины ты сражалась превосходно, но битва окончена.

Теперь окажи мне любезность, позволь отведать твоей сладкой горячей крови.

Щелкнул, вспарывая воздух, бич.

— Подойди,

— приказал граф всепроникающим голосом.

Конец хлыста застыл на полдороге, и оружие, свернувшись кольцами, упало на пол.

Дорис неверным шагом марионетки двинулась к вампиру, но пожилой врач внезапно схватил ее за плечо.

Правой рукой старик зажал девушке ноздри, и юная леди, не издав ни звука, рухнула как подкошенная.

Все это время доктор прятал в кулаке пропитанную хлороформом тряпицу.

— Значит, ты решил помешать мне, старый дурак?

— Гулкий голос графа был начисто лишен любых эмоций.

— Я не могу отступить и бездействовать,

— ответил старик и шагнул вперед, стискивая что-то в левой руке.

— Вот то, что ты ненавидишь,

— чесночный порошок!

Зыбь беспокойства слегка исказила черты графа, но он тут же широко ухмыльнулся:

— Что ж, поздравляю с открытием, оно стоит похвалы, но ты действительно старый пень.

Да, я бессилен против этого запаха.

Возможно, сегодня ночью ты и ускользнешь от меня.

Но как только ты убедишься в эффективности своего средства, эта уверенность будет стоить тебе всех воспоминаний о составе порошка в твоей склянке.

И завтра вечером я приду снова.

— Я не позволю тебе.

— О, и что же ты сделаешь?

— Этот старый дурак не вечно прозябал в глуши.

Тридцать лет назад Сэм Ферринго был известен как охотник на пауколюдей.

И я кое-что знаю о том, как драться с вашей породой.

— Ясно.

Глаза графа сверкнули.

Престарелый доктор взмахнул рукой.

В воздухе закружился порошок, наполняя помещение резким запахом.

Вампир отпрянул, зажимая ладонью нос и рот.

Жуткий рвотный позыв скрутил его.

Аристократ почувствовал себя совершенно обессилевшим, мозг плавился в черепе, а сама жизнь вытекала через поры.

Клеткам синусовых пазух

— ольфакторным нервам, отвечающим за обоняние,

— был нанесен сокрушительный удар аллицином, придающим чесноку его характерный аромат.

— Дни твоей породы сочтены.

Возвращайся в мир тьмы, и крах с тобой!

Доктор Ферринго выхватил из-за пазухи длинный кол и с этим грубым деревянным оружием в правой руке двинулся вперед.

Вдруг прямо перед ним всплеснула крыльями черная птица.

Это взлетел плащ графа.

Словно разумное существо, одеяние обвило запястья старого доктора, затем рванулось в сторону и отбросило врача на другой конец комнаты, причем сам граф не пошевелил и пальцем.

Вампир применил один из тайных приемов знати

— лорд Ли научился ему не у кого иного, как у самого бога-предтечи их расы.

Барахтаясь на полу, старик с ужасом наблюдал, как все еще дико кашляющий вампир приблизился к Дорис.

Тень графского профиля упала на девичью шею.

То, что доктор увидел потом, безмерно поразило его.

Граф отпрянул, побледнев как полотно.

Возможно, никому на свете не доводилось наблюдать на лице аристократа такого выражения чистейшего ужаса, свидетелем которого стал сейчас пожилой лекарь.

Не обращая внимания на охваченного благоговейным страхом старика, фигура в развевающемся черном плаще нырнула в дверной проем и исчезла.

Когда доктор наконец поднялся, потирая ушибленное бедро, он услышал эхо удаляющегося стука колес кареты.

«Так или иначе, похоже, на этот раз мы выкарабкались».

Но едва в душе доктора Ферринго разлилось огромное облегчение, старика вдруг охватило

чувство, что он забыл нечто важное.

Врач задумчиво покачал головой.

«Что за странный запах? И почему ублюдок дал стрекача?»

http://tl.rulate.ru/book/51824/1303044